

Лебедев А. П. Новое описание Константинополя русским туристом [Рец. на:] *Филиттов С.* Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. М., 1893 // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 6. С. 587–600 (2-я пагин.).

Новое описание Константинополя русским туристомъ.

Сергѣя Филиттова. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. Москва, 1893.

Лѣто—время путешествій для достаточныхъ и свободныхъ классовъ русскаго общества. Одни изъ русскихъ путешественниковъ отправляются на европейскій Западъ, другіе на Востокъ; первыхъ бываетъ всегда много, а вторыхъ несравненно меньше. Можно было бы поэтому ожидать, что въ литературѣ должно появляться много описаній путешественниками западныхъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей и странъ и мало описаній Востока. Но въ дѣйствительности бываетъ совершенно наоборотъ. О Западѣ рѣдко кто пишетъ изъ туристовъ, а относительно Востока болѣе или менѣе подробныя описанія появляются очень нерѣдко. Одна изъ причинъ такого явленія заключается въ томъ, что русская культура немного отличается отъ культуры западной: трудно написать что-либо въ настоящее время о Западѣ такое, что могло бы возбуждать живой интересъ въ читателяхъ. Другое дѣло—Востокъ. Здѣсь другая культура, во многомъ любопытная; другіе порядки, другой строй жизни, другія вѣрованія. Все это можно сказать и о Константинополѣ, который особенно ревностно описывается русскими путешественниками по Востоку. Когда-то и Константинополь былъ христіанскимъ городомъ, а теперь пересталъ быть такимъ; когда-то и Константинополь былъ важнѣйшимъ культурнымъ центромъ для многихъ народовъ, а теперь и слѣговъ почти не найдешь такого значенія древней Византіи.

Этотъ историческій трагизмъ не можетъ не возбуждать глубокихъ чувствъ въ путешественникѣ, овладѣваетъ имъ и переходитъ на бумагу, если онъ принимается за перо. Для многихъ изъ русскихъ путешественниковъ Константинополь привлекателенъ какъ такой городъ, церковныя связи съ которымъ навсегда пребудутъ прочными. Ужъ не говоримъ о Константинополѣ, какъ политическомъ узлѣ, съ которымъ связывается столько разнообразныхъ вожелѣній и надеждъ...

Новое описаніе Константинополя, сдѣланное г. Филипповымъ, поставяетъ нѣкоторыя затрудненія для оцѣнки его рецензентомъ. Авторъ не даетъ никакихъ указаній, которыя опредѣляли бы точку зрѣнія, съ которой надлежитъ смотрѣть на трудъ его. Мы не знаемъ: долго-ли пробылъ г. Филипповъ въ Константинополѣ—недѣлю, двѣ недѣли, мѣсяцъ или два мѣсяца; не знаемъ и того: путешествовалъ ли онъ въ столицу Турціи съ прямою цѣлю—составить описаніе этого города, или же описаніе получилось какъ результатъ силы и разнообразія впечатлѣній, испытанныхъ на берегахъ Босфора и Золотого Рога, хотя такое описаніе не составляло первоначальной цѣли туриста? Такіе и подобные вопросы авторъ оставилъ безо всякихъ разъясненій, и это—очень жаль; потому что рецензентъ лишонъ такимъ образомъ возможности опредѣлить ту степень требовательности, съ какой слѣдуетъ обратиться къ описателю.

Приходится при оцѣнкѣ книги не быть ни слишкомъ требовательнымъ, ни слишкомъ снисходительнымъ. Такъ и сдѣлаемъ.

Говоря о Константинополѣ, нельзя не посвятить хотя нѣсколькихъ страницъ тѣмъ народностямъ, которыя составляютъ его главнѣйшее населеніе. Авторъ хорошо понималъ это и счелъ нужнымъ сдѣлать характеристику константинопольскихъ турокъ, грековъ и пр. Турками г. Филипповъ оказывается очень доволенъ, онъ радуется при взглядѣ на нихъ; напротивъ того грековъ онъ третируетъ свысока и презрительно. Говоря о туркахъ, г. Филипповъ пишетъ: „позволю себѣ набросить нѣсколько штриховъ, характеризующихъ жителя Стамбула (т. е. турка). По общему увѣренію турки—добродушный, честный и трудолюбивый народъ, не смотря на ихъ кажущуюся внѣшнюю

лѣнность и медлительность движеній. Константинопольскіе европейцы, не задумываясь довѣрятъ мусульманину, но никогда здѣшнему греку и не всегда армянину. Несомнѣнно, они имѣютъ на это вѣскія причины. Другое дѣло—турокъ. Восточная честность, восточное добродушіе сильны въ немъ, и вы даже мимолетно (?) убѣждаетесь въ этихъ качествахъ на каждомъ шагу. Намъ русскимъ еще пріятнѣе убѣдиться въ томъ, что турки, какъ масса, какъ народъ отнюдь не питаютъ къ намъ той національной вражды, о какой приходится часто слышать... И фанатизмъ турецкой массы—понятіе относительное. Мусульманинъ скорѣе терпимъ и во всякомъ случаѣ вполне равнодушенъ ко всему, что совершается вокругъ него, даже иногда въ вопросахъ вѣры. Лишь бы не трогали его и его религіи. Иначе чѣмъ объяснить существованіе въ Константинополѣ такого обилія религій, сектъ, толковъ и всякихъ вѣроученій? Религіозный фанатизмъ, глухой, злобный, непримиримый—въ средѣ лишь мусульманскаго духовенства“ (стр. 103—104).

Такъ характеризуетъ авторъ господствующій элементъ народонаселенія Константинополя. Въ такой характеристикѣ немного новаго: ее можно встрѣчать и у другихъ писателей. Но у г. Филиппова она не подтверждена никакими фактами, — голословна. Мало этого: она противорѣчитъ тому, что онъ же говоритъ о турецкомъ народонаселеніи Константинополя во многихъ другихъ случаяхъ; а онъ говоритъ о недостаткѣ въ туркахъ вѣроподданническаго чувства, вслѣдствіе чего султаны отмѣнили обычай посѣщать по очереди мечети столицы, о ихъ корыстолюбіи (сборъ денегъ за право переходить и переѣзжать по развалившемуся мосту, и пр.), о ихъ зложелательствѣ, выражающемся въ томъ, что ночная турецкая стража никогда не разойметъ двухъ дерущихся на смерть христіанъ, въ томъ соображеніи, что гяуру пристойна собачья смерть и пр. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Нашъ авторъ является несомнѣннымъ туркофиломъ. Это видно изъ того, что рисуя турецкій элементъ въ очень свѣтлыхъ краскахъ, когда дѣлаетъ общую характеристику турокъ, авторъ въ тоже время чрезвычайно щедръ на черныя краски, которыми онъ описываетъ константинопольскихъ грековъ. Онъ представляетъ собою типъ русскаго грекофоба. О грекахъ г. Филипповъ

находить возможнымъ говорить одно худое. „Греки, живущіе въ Константинополѣ — пишутъ нашъ туристъ — совсѣмъ не похожи не только на своихъ праотцевъ — эллиновъ, но даже и на тѣхъ соплеменниковъ, которые населяютъ (свободную) Грецію. Они, какъ въ фокусѣ восприняли въ себя всѣ отрицательныя черты семита, прибавили къ нимъ множество таковыхъ же собственныхъ и все это помножили на разбойное удалство пирата, которому нечего дорожить своею головою“ (103). Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ о грекахъ еще клеще: „Несимпатичная греческая національность вся пропитана разбойно-торгашескими наклонностями, низменными инстинктами и развращена до корня. Здѣшній грекъ — или паукъ, или пѣнокосниматель или прямо герой большой дороги“ (160). Значить: можетъ ли быть что-либо хуже грека? Греческое духовенство авторъ живописуетъ столь же мрачными красками. Онъ утверждаетъ, что богослуженіе, совершаемое греческимъ духовенствомъ, лишено религіозной настроенности. Вотъ слова г. Филиппова: „Греки не знаютъ церковнаго благолѣнія. Утратили они его — скорбитъ описатель, — отвыкли за время всякихъ гоненій или это ужъ свойство ихъ темперамента (sic), только они все дѣлаютъ наскоро, точно торопятся, совсѣмъ не впадая не только душевности въ свои отношенія къ молящемуся, но даже и простаго приличія. И потому они скорѣе разрушаютъ молитвенное настроеніе, нежели создаютъ его“. Къ чести автора нужно сказать, что онъ прямо сознается, что самъ лично онъ этого не имѣлъ случая испытать, а только знаетъ это по слухамъ, ибо вслѣдъ за приведенными словами авторъ замѣчаетъ: „такъ говорятъ всѣ богомольцы-паломники“ (стр. 112). Г. Филипповъ очевидно полагаетъ, что въ такомъ серьезномъ вопросѣ можно довольствоваться всякими слухами, но такъ не поступаютъ дорожащіе своей репутаціей описатели. Впрочемъ чтожъ? Авторъ и на основаніи собственнаго опыта рассказываетъ иногда о греческихъ духовныхъ такіа вѣщи, что хоть уши затыкай. Рассказавъ одну, какъ онъ называетъ ее, эффектную басню, г. Филипповъ продолжаетъ: „въ странѣ всякихъ преувеличеній и увлеченій эта басня нимало не удивляетъ: вѣдь показывали же (будто?) византійцы іерихонскую трубу Іисуса Навина“. Затѣмъ авторъ заявляетъ, на осно-

ваніи личныхъ наблюдений: „впрочемъ и теперь еще въ нѣсколькихъ шагахъ отъ св. Софіи существуетъ колонна, такъ пазываемая Горѣлая, и въ ней, увѣряютъ, заключены въ основаніе: сѣкира, которой Ной стрѣсилъ ковчегъ, камень, изъ котораго Моисей источилъ воду и двѣнадцать чашъ тайной вечери“ (стр. 68—69). Какой вздоръ—писать нашъ авторъ.

Г. Филипповъ не беретъ на себя труда разъяснить—всегда ли константинопольскіе турки были такими, исполненными высокихъ качествъ, людьми, какими онъ представляетъ ихъ себѣ, или же они сдѣлались тихонями и смиренниками, вслѣдствіе какихъ-либо внушительныхъ историческихъ уроковъ? Тѣмъ не менѣе, онъ больше склоняется къ мысли, что Константинопольскіе турки обладаютъ замѣчательными нравственными качествами въ силу природныхъ свойствъ, принадлежащихъ этой націи. Что же касается грековъ константинопольскихъ, то авторъ, не задумываясь, утверждаетъ, что эти греки наслѣдовали свои дурныя, пиратскія, качества отъ временъ отдаленной древности. Онъ не сомнѣвается, что Византія христіанской эпохи, глубоко проникнута была „монашескимъ изувѣрствомъ“ (стр. 80). Значитъ, и недостатки современныхъ грековъ есть, по автору, ихъ природная принадлежность. Пусть такъ. Извинимъ автора: не одинъ онъ повторяетъ избитыя фразы о монашескомъ изувѣрствѣ древней Византіи. Но вотъ что не извинительно: авторъ, ужасающійся монашескому изувѣрству древней Византіи, въ тоже время—какъ ни въ чемъ не бывало—изумляется и восторгается безсмертной религиозной мозаикой, созданной этой самой Византіей, да еще въ худшую пору ея жизни. Къ лицу ли это нашему автору? Вотъ наприм, какъ описываетъ авторъ свои впечатлѣнія, возбужденныя въ немъ созорцаціемъ христіанскихъ мозаикъ въ мечети Кахріе-джамиси (византійскій монастырь XIV в.): „обративъ церковь въ мечеть, турки буквально перевернули ее по своему. Этимъ, и рядомъ съ этимъ своими христіанскими изображеніями мечеть производитъ въ васъ необыкновенно-странное впечатлѣніе. Образа въ мечети и полумѣсяцъ на христіанской Церкви! Но это впечатлѣніе быстро исчезаетъ, уступая удивленію предъ чудомъ мозаическаго искусства Византіи. Это цѣлая

художественная галлерей ново-завѣтной исторіи. Прелестная галлерей, отъ которой не оторвешься. И какъ въ самомъ дѣлѣ, мало мы знаемъ искусство Византійцевъ, считая его чѣмъ-то деревяннымъ, не выразительнымъ и безжизненнымъ! Не отъ того ли это происходитъ, что наше знакомство съ нимъ сводится главнымъ образомъ къ тѣмъ изображеніямъ которыя приходилось намъ видѣть въ нашихъ древнихъ соборахъ и монастыряхъ? Въ такомъ случаѣ, что же удивительнаго, если цвѣтокъ, перенесенный на чужую почву, не разцвѣлъ всею роскошью своихъ красокъ, не далъ аромата, который его отличалъ на родной землѣ? Вглядитесь, приглашаетъ авторъ, въ изображенія въ Кахріе. Посмотрите на это чарующее изображеніе Богоматери, которая точно тамъ на небесахъ и проч. (116—117). „Вообще эта маленькая церковка, заявляетъ авторъ, своего рода Академія церковныхъ искусствъ византійскихъ“ (119). Спрашивается: неужели „монашеское изувѣрство древней Византіи“, надъ которымъ авторъ глумится, могло при какихъ либо, даже самыхъ не вѣроятныхъ, условіяхъ создать немного-нимало „академію церковныхъ искусствъ“? Если существуетъ на лицо „академія искусствъ византійскихъ“, то авторъ долженъ отказаться отъ мысли, что въ древней Византіи царило какое-то монашеское изувѣрство, ибо монашеское изувѣрство никогда, нигдѣ не производило и не могло производить такихъ великолѣпныхъ плодовъ, такіе до сихъ поръ „цвѣтутъ и благоухаютъ“ въ константинопольской Кахріе. Въ виду этого замѣчательнаго факта автору слѣдовало бы отречься отъ обуровающаго его грекофобства.

Но нѣтъ, г. Филиппова весьма трудно наставить на путь истинный! Туркофильствующій и грекофобствующій авторъ доходить до геркулесовыхъ столбовъ тенденціозности. Можно представить себѣ, что онъ утверждаетъ?... А утверждаетъ онъ слѣдующее: какъ знаменитый Юстиніанъ (греческій императоръ), построивъ Софійскій храмъ по справедливости восклицалъ: „Соломонъ, я побѣдилъ тебя“; такъ и одинъ изъ турецкихъ султановъ, Ахмедъ, воздвигнувъ одну мечеть въ Стамбулѣ, имѣлъ всѣ права воскликнуть: „а тебя, Юстиніанъ, побѣдилъ я, Ахмедъ, султанъ турецкій“. Можно подумать, что я, нижеподписавшійся, просто шучу, но нѣтъ же: я говорю совершенно серьезно. Не угодно ли

прочестъ слѣдующія слова г. Филиппова: „нѣтъ въ Стамбулѣ по части турецкаго стиля ничего болѣе граціознаго, стройно-изящнаго и картиннаго, нежели мечеть Ахмедіа. Правда въ основаніи ея плана и стиля чувствуется св. Софія, но воображеніе Востока передѣлало ихъ по своему. Арабъ внесъ въ это созданіе грацію своей сказки, тягучую прелесть налѣва, знойную страстность темперамента. Ахмедіа воздушна, какъ миражъ пезообразимой пустыни, весела, какъ яркіе цвѣтники восточныхъ садовъ, свѣтла, какъ лѣтнее утро Стамбула. Ахмедіа низенькой стѣнкой своей ограды ограничиваетъ площадь ипподрома и находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ св. Софіи. Въ этомъ былъ умыселъ. Ея строитель, султанъ Ахмедъ, *хотѣлъ посрамить Юстиніановскій памятникъ и достигъ своей цѣли*. Не даромъ этотъ султанъ приходилъ на постройку каждую пятницу, работалъ вмѣстѣ съ мастерами. Онъ создалъ прелестнѣйшую изъ мечетей Стамбула, *которою убилъ нелѣпную груду св. Софіи*“ (стр. 76—77). Вотъ неслыханная новость!! Она возможна только въ устахъ яраго туркофила, такого туркофила, какъ г. Филипповъ. Если прежде говаривали: „ради одной Софіи пужно побывать въ Константинополѣ“, то теперь послѣ открытія, сдѣланнаго г. Филипповымъ, нужно уже говорить другое: „ради одной мечети Ахмедіа слѣдуетъ побывать въ столицѣ Турціи“.

О русскихъ, какъ элементъ константинопольскаго населенія, г. Филипповъ говоритъ немного. Но и это немногое знаменательно. Онъ вездѣ въ своей книгѣ даетъ знать о бездѣтельности русскихъ по сравненію съ другими націями. Намъ кажется, что авторъ и въ этомъ случаѣ не всегда правъ. Онъ упроекаетъ русскихъ за то, что они не заводятъ въ Константинополѣ торговли, подобно французамъ, итальянцамъ и пр. (стр. 152—153). Фактъ вѣренъ, но онъ могъ бы найти себѣ достаточное объясненіе. Этотъ вопросъ впрочемъ оставимъ въ сторонѣ. Съ такимъ же укоромъ авторъ обращается къ русскимъ и за то, что они не устрояютъ школъ для воспитанія дѣтей разныхъ національностей въ Константинополѣ. Съ какимъ восторгомъ авторъ описываетъ школьную дѣятельность иностранцевъ въ Константинополѣ: „всѣ европейскіе ордена и вѣроученія имѣютъ своихъ дѣятельныхъ представителей, отлично

подготовленныхъ къ дѣлу, образованныхъ. Каждый изъ нихъ не безплодно хлопочетъ въ интересахъ своего отечества. Юноши Перы и Галаты получаютъ образованіе въ коллежахъ и пансіонахъ, воспитываясь въ національномъ духѣ каждаго“ (163). А мы-то, русскіе, чего смотримъ — прозрачно намекаетъ авторъ. Но недовольство его русскими въ данномъ случаѣ не основательно. Иное дѣло устроить иностранную школу въ Константинополѣ, иное—русскоправославную. Первое сдѣлать очень легко, а второе — весьма трудно. За всѣ православныя школы, какой бы онѣ не были національности, за ихъ духъ и направленіе отвѣчаетъ предъ Портою патріархъ. Поэтому патріархъ совсѣмъ нерасположенъ позволять открывать такія школы, за которыя онъ не можетъ напередъ ручаться: будетъ ли въ нихъ вестись дѣло совершенно безопасно. Отъ этого очень не легко русскимъ столкнуться съ патріархомъ объ открытіи православныхъ школъ... Иное дѣло иностранцы не-православнаго исповѣданія. Въ ихъ школьное дѣло патріархъ не имѣетъ ни права, ни обязанности вмѣшиваться. Еслибы авторъ зналъ это, онъ понялъ бы: отчего такъ туго разрѣшается школьной вопросъ для русскихъ въ Константинополѣ. — Авторъ ни въ какомъ отношеніи не доволенъ дѣятельностію русскихъ въ Константинополѣ. Онъ брѣжитъ и на то, что русскія монастырскія подворья устроены здѣсь совсѣмъ не на мѣстѣ. Одинъ „уголокъ Россіи находится въ Галатѣ, въ самомъ трущевномъ ея пунктѣ, въ самомъ такъ сказать пеклѣ, бокъ-о-бокъ съ ужасающими вертепами, въ центрѣ грабежа, нищеты, отвратительныхъ мiazмовъ, этотъ русскій уголокъ—аано-русскія подворья“ (171). Это — вѣрно, но не совсѣмъ. Подворья построены въ тихихъ переулкахъ подлѣ Галаты, а не въ самомъ „пеклѣ“—и жить въ нихъ довольно удобно. Почему эти подворья построены здѣсь, а не гдѣ-нибудь въ болѣе чистомъ и красивомъ мѣстѣ — мы не знаемъ. Очень возможно, что аано-русскіе монастыри издавна владѣли здѣсь землей и построились на такомъ мѣстѣ, какое было въ ихъ распоряженіи. Земля въ Константинополѣ очень дорога. Авторъ недоволенъ подворьями; но его мнѣнію, они мало дѣлаютъ добра для русскихъ путешественниковъ и русскихъ живущихъ въ Константинополѣ. Но онъ кажется не знаетъ того, что русскіе путешественники (да

и не одни русскіе) получаютъ на подворьяхъ *даромъ* помѣщеніе, столъ, самоваръ, чай, воду. Чего еще требовать отъ подворій? А вотъ видите ли, г. Филипповъ требуетъ отъ монаховъ на подворьяхъ, чтобы они еще знали „исторію византіяства и его памятниковъ“ (172). Ну, ужъ это слишкомъ.... Для этого нужно создать археологическій институтъ въ Византіи, объ основаніи котораго давно ведутся рѣчи, а самаго института всё еще нѣтъ. Не дѣло монаховъ—„исторія византіяства“. Они дѣлаютъ свое скромное дѣло, этого съ нихъ и довольно. — На грустныхъ, очень грустныхъ размышленіяхъ наводитъ автора сравненіе двухъ кладбищъ: русскаго военнаго въ Санъ-Стефанѣ, на европейскомъ берегу Мраморнаго моря, и англійскаго, тоже военнаго, на азіатскомъ берегу противъ Стамбула. „О, русская некультурность“—вотъ жѣсткія слова, которыя готовы сорваться съ языка г. Филиппова. Приѣхалъ онъ въ Санъ-Стефанѣ главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы посѣтить русское кладбище. Но его встрѣтило разочарованіе: „никто изъ мѣстныхъ жителей (дачниковъ) не могъ указать намъ—жалуется Филипповъ—гдѣ находится этотъ грустный памятникъ... Гдѣ же однако наше кладбище“? Вдругъ онъ попалъ на „клочекъ земли, въ сотню шаговъ въ ширину и въ длину, больше напоминающій загонъ для овецъ (?). Сквозь кучи мелкаго щебня—повѣствуетъ описатель—пышно разросся бурьянъ и репейникъ. Мохнатая собачонка съ лаемъ выскочила изъ-за куста и сейчасъ же скрылась при нашемъ появленіи. Долго еще въ застывшемъ воздухѣ звенѣлъ тоненькій лай (*какая удивительная детальность!*). „Послушайте, да вѣдь это-же оно“! воскликнулъ г. Филипповъ, обращаясь къ своему спутнику. „Оно-то оно“, но къ чему здѣсь глумленіе! (стр. 232—3). Г. Филипповъ легко вздохнулъ только на англійскомъ военномъ кладбищѣ. Вотъ медоточивое описаніе авторомъ этого кладбища. „Это больше, чѣмъ сладостный сонъ, — это райскій уголокъ на землѣ. Англичане, устроившіе въ Гайдаръ — пашѣ свое кладбище, взяли въ столицѣ (?) Турціи все лучшее, что у нея было по части видовъ. Это длинная полоса берега обращена ими въ чудеснѣйшее изъ кладбищъ на бѣломъ свѣтѣ. Его нельзя не посѣтить или скорѣе—слѣдуетъ посѣтить непременно, чтобы увидать одну изъ очарователь-

нѣйшихъ картинъ. Среди миртъ и лавровъ“ и пр. и пр. „Словно чья-то любящая рука неустанно заботится — слѣдуетъ мораль по адресу русской націи...— объ этомъ мѣстѣ послѣдняго успокоенія, созданномъ 35 лѣтъ назадъ (въ крымскую компанію). Это *рука высоко-культурной націи*, и въ отдаленномъ уголкѣ находящей нужнымъ заботиться о своихъ сыновьяхъ, даже и мертвыхъ. И это васъ трогаетъ и умиляетъ“ (216—218). Нечего сказать, трогательно! Но дѣло вовсе не въ культурности одной націи и *некультурности* другой, а дѣло просто въ толщинѣ кормана. Бѣднымъ русскимъ не угодиться за богатыми англичанами! Да еще вопросъ: какое значеніе имѣетъ кладбище англійское прямо противъ Стамбула? Въ случаѣ войны англичанъ съ Турціей, оно можетъ сослужить и другую службу; но не будемъ слишкомъ подозрительны... Насъ лично (думаемъ: и не однихъ насъ) наводитъ на грустные размышленія совсѣмъ не то обстоятельство, что русское кладбище—бѣдно, не пріютно, англійское же великолѣпно, а нѣчто другое. Очень жаль, что г. Филипповъ просмотрѣлъ это „нѣчто“. На англійскомъ кладбищѣ, гдѣ покоятся англійскіе солдаты, умершіе во время крымской компаніи, авторъ разсматривалъ прекрасный памятникъ, сѣрую четырехгранную колонну, которую поддерживаютъ ангелы съ пальмовыми вѣтвями. Памятникъ украшенъ надписью; эту надпись старательно списалъ г. Филипповъ (оставивъ ее впрочемъ безъ перевода. И хорошо сдѣлалъ— скажемъ мы). Вотъ эта надпись: *A la mémoire des officiers, des soldats et des marins de l'armée et de la flotte Anglais, morts pour la patrie dans la guerre contre la Russie en 1854, 1855 et 1856*“. Какое лицемеріе! За какое это отечество — *pour la patrie* — положили животь свой англійскіе воины въ 1854—56 годахъ? Русскіе въ 1854—6 годахъ не объявляли войны англичанамъ и не нападали на ихъ владѣнія. Англичане въ указанные года воевали съ русскими, защищая *Турцію*, мусульманскую Турцію, попиравшую христіанскую вѣру! Вотъ то *отечество*, та *patrie*, за которое положили животь свой англичане! Грустно! Дѣйствительно, грустно! А то видите ли: „клочекъ земли въ сотню шаговъ „мохнатая собачонка“! Нѣтъ, это не такъ грустно.—У практичныхъ англичанъ ничего не дѣлается безъ цѣли. Англійское клад-

бище противъ Стамбула, весьма возможно, служить бѣльмомъ на глазу турокъ. Это кладбище, обращенное къ Стамбулу, долженствуетъ какъ бы провозглашать: „смотрите—помните правовѣрные, люди англійской націи сражались за васъ противъ гяуровъ—русскихъ: мы, англичане, ваши давнишніе друзья, а русскіе—ваши враги“. Внушительно. А то видите-ли: „рука высоко-культурной націи“!...

Сердцу г. Филиппова въ Константинополь любезнѣе всѣхъ: турки и „высококультурные“ англичане, туркофилы тожь.

Въ краткомъ предисловіи къ своей книгѣ авторъ выражаетъ надежду, что изданіе ея можетъ послужить на пользу будущимъ туристамъ. „Смѣю думать, говоритъ онъ, что предлагаемые очерки могутъ послужить будущимъ туристамъ нѣкоторой путеводной нитью въ экскурсіяхъ по Константинополю и его окрестностямъ“. Но намъ кажется, что они принесутъ очень немного пользы путешественникамъ по Константинополю. Книга автора имѣетъ очень много недостатковъ. Исчислимъ ихъ.

Прежде всего книга, не смотря на ея значительный объемъ (250 стр.) неполна. Авторъ нисколько не разъяснилъ: какимъ образомъ удобнѣе всего путнику устроиться въ Константинополь; не перечислилъ лучшихъ гостиницъ. Вообще онъ ничего не сказалъ, гдѣ и съ какими удобствами онъ самъ останавливался въ Константинополь; много-ли времени нужно употребить на достаточное знакомство съ городомъ и его окрестностями. Авторъ, кажется, не все замѣчательное обозрѣлъ и потому не можетъ дать руководства: что стоитъ и что не стоитъ обозрѣвать. Онъ напр. очевидно не былъ въ Халкинской богословской школѣ, не посѣтилъ извѣстнаго коммерческаго училища съ его монастыремъ на о. Халки. Не изъ чего не видно, чтобы онъ былъ въ Халкидонѣ (теперь: кадык-жой). Онъ не сообщаетъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ удобнѣе всего ознакомиться съ теченіемъ интеллектуальной жизни Константинополя и проч.

Многое изъ описаннаго авторомъ представлено не совсемъ правильно, спутанно и не ясно. Насъ всегда возмущало, когда писатели, описывая первые шаги свои въ Константинополь, рассказываютъ разные страхи, какіе имъ

встрѣчались. Г. Филиповъ, къ сожалѣнію, не избѣгаетъ этой крайности. Онъ рассказываетъ о томъ, какъ будто бы тотчасъ послѣ того какъ пароходъ сталъ якоремъ на рейдѣ, цѣлыя десятки гамаловъ—насилъщиковъ „черныхъ, оливковыхъ, рыжихъ, точно обгорѣлыхъ, почти голыхъ“ бросились на бѣдный чемоданъ туриста; онъ приписываетъ, далѣе, чуду то обстоятельство, что онъ благополучно попалъ на яликъ и на немъ „проскользнулъ среди сотенъ пароходовъ, тысячъ яликовъ“. Смѣю завѣрить читателя, что все это—преувеличеніе и напрасные страхи. Вслѣдъ за тѣмъ г. Филиповъ пишетъ: „черезъ минуту (?) я уже высаживался на пристани Галаты. Галата!... Итъ вы не можете и представить себѣ, что это такое—Галата. Это адъ (!), который васъ оглушаетъ, опеломляетъ, гипнотизируетъ, лишаетъ сознанія. Что касается гама, разноязычнаго крика, суеты я даже не подберу подходящихъ сравненій“, съ отчаяніемъ говорилъ авторъ (26. 27). Читатель наугадъ, но совершенно напрасно. Галата вовсе не похожа на адъ, а на обыкновенный чужестранный, очень оживленный рынокъ. Къ чему это запугивать будущихъ туристовъ?—Въ Фанарѣ, въ патриаршей резиденціи, въ Георгіевскомъ монастырѣ, г. Филиповъ видѣлъ какое-то „кресло самого князя новаго Рима“ (110); но такъ какъ такого „князя“ никогда не существовало, то и видѣть его кресла нельзя. Тутъ же авторъ говоритъ: „съ берега Золотого Рога въ Фанаръ ведутъ трое воротъ. На перекладинѣ среднихъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, патриархъ Григорій былъ повѣшенъ янычарами“ (109). Но Григорій былъ повѣшанъ не на этихъ воротахъ, а на другихъ, которыя хранятся въ самомъ монастырѣ въ качествѣ священной реликви и проходить черезъ нихъ нельзя.—О знаменитой мечети „Кахріэ“ авторъ пишетъ: „маленькая желтая, она вся въ зелени“ (115); а о Влахернскомъ храмѣ напротивъ замѣчаетъ, что онъ „среди руинъ, кучъ мусора и сорныхъ травъ“ (119). По нашему мнѣнію, авторъ перепуталъ: о Влахернскомъ храмѣ нужно было сказать: онъ „весь въ зелени“, а о Кахріэ—что она „среди кучъ мусора и сорныхъ травъ“.—Г. Филиповъ нерѣдко запугивается въ противорѣчивыхъ описаніяхъ. Въ образецъ можно указать на его изображенія Стамбула. Въ одномъ

мѣстѣ о Стамбулѣ авторъ говоритъ; „взбаломученное море тамъ, гдѣ Галата, а въ Стамбулѣ царство тишины и покоя, если не вовсе спящее царство. Еще кое-какіе всплески вы чувствуете на мосту (ведущемъ въ Стамбулѣ), а дальше—уже затишье, безмолвіе, почти сонъ, но сонъ, очень напоминающей смерть“. (30). А при другихъ случаяхъ о томъ же Стамбулѣ авторъ рассказываетъ совѣмъ другое: „площадка мечети Султанши—валиде, (въ самомъ Стамбулѣ), пишетъ онъ, мало чѣмъ отличается отъ биржи. Здѣсь тоже галденіе, тѣ же толпы, та же торговая лико-радка и линія трамвая—все это очень *напоминаетъ* Галату“ (36); или: „сумятица огромной толпы все болѣе и болѣе охватываетъ васъ въ народной части Стамбула. Никакого представления объ этой толпѣ не можетъ дать вамъ уличная сутолока другихъ большихъ городовъ“ (89). Вотъ тутъ и извольте разобраться у автора.

Языкъ книги г. Филиппова вычуренъ и риториченъ. Авторъ любитъ выраженія метафорическія и фигуральныя, но эти послѣднія ни мало не служатъ украшеніемъ сочиненія. Желая, наиримѣръ, дать болѣе наглядное представленіе о турецкой женщинѣ, авторъ уподобляетъ ее раскормленной индѣйкѣ“, а черезъ нѣсколько строкъ о ней же говоритъ, что она—„точно божество, вознесенное на небо“, а еще черезъ строчку именуется ея же „прокаженною“ (90—91). Само по себѣ понятно, что если турчанка „прокаженная“, то она не „индѣйка“, а если индѣйка, то не похожа на „божество“. Толпы народныя, „хлещущія“ вдоль и поперекъ Перы и Галаты г. Филипповъ обзываетъ „остервенѣлыми чудовищами“ (30). Не эстетично и безтолково. Имѣя въ виду выразить простую мысль, что мусульманское владычество не стерло всѣхъ слѣдовъ прежней Византіи, авторъ пишетъ: „не смотря на навалъ мусульманства, Византія всетаки проросла, проросла даже тамъ, гдѣ мусульманство“ и проч. (71). Еще одинъ образчикъ. Авторъ посѣтилъ такъ называемый музей япычаръ и здѣсь на дворѣ онъ встрѣтилъ маленькихъ турчатъ, игравшихъ въ крокетъ; это побуждаетъ его нарисовать такую картинку: „немножко не вяжется эта идиллическая виньетка дѣтскихъ забавъ на крышкѣ альбома, гдѣ вмѣсто красокъ—брызги крови, крова-

вые силуэты исторіи“ (73). Напрасная претензія на изящество.

Книга г. Филиппова имѣетъ своимъ назначеніемъ, между прочимъ, быть „путеводною нитью“ для туриста, но эта нить очень непрочна и часто рвется, оставляя руководимую среди распутиѣ.

Мы, русскіе, не очень счастливы: до сихъ поръ не имѣемъ книги, которая могла бы быть полезна для путешественника, изучающаго Константинополь. Правда хорошо описать теперешній Константинополь не легко: это вѣдь городъ въ одно и тоже время—какъ я разъ выразился — „и древній и новый,—и великій и гадкій,—городъ священный и богомерзскій“. Но не смотря на трудность задачи, Константинополь долженъ же имѣть своего бытописателя!

Подождемъ.

А. Лебедевъ.
